

УДК 39:316.728(367)

ИСТОКИ ТРАДИЦИИ «УМЫКАНИЯ»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2020

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных вопросам допустимой в прошлом свободы брачного выбора, а также эволюции традиции «умыкания», широко распространенной среди наших предков. В предыдущем исследовании рассматривалось обрядовое «умыкание» невесты, являвшееся неотъемлемой частью свадебного ритуала многих народов. В этой статье разбираются вопросы о происхождении обряда и о причинах, заставлявших наших предшественников в разных регионах мира с удивительной настойчивостью имитировать похищение девушки в процессе заключения брака.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-19-27

Исследователи выдвинули любопытную гипотезу для объяснения устойчивого бытования «умыкания» как неотъемлемого элемента свадебного обряда. В соответствии с данной гипотезой необходимость похищения была вызвана стремлением старших родственников наглядно объяснить недалёковидным молодым людям, сколь великую опасность представляют для них половые связи (вероятно, внебрачные), а также участие в половом акте, который являлся первым в жизни женщины. Гигантские усилия, предпринимавшиеся при заключении брака с целью нейтрализации негативного воздействия соития, должны были стать видимым подтверждением нешуточной опасности, которую таили в себе половые сношения [21, с. 283–288; 24, с. 139–142; 18, с. 125]. Успешное внедрение указанного предрассудка в сознание молодых людей позволяло их родным рассчитывать на то, что молодожены предпримут все возможное, дабы сохранить заключенный с таким трудом брак, а адюльтер (особенно с девственницей) потеряет для них потенциально возможную привлекательность.

Еще одна гипотеза, объясняющая популярность обрядовой роли «умыкания», заключается в предположении, согласно которому наши предки использовали данную традицию для успешной демонстрации достоинств жениха и его сородичей: силы, ловкости, способности сражаться и добиваться поставленной цели [19, с. 66–70].

Немалый интерес представляет следующее объяснение повсеместного распространения интересующего нас элемента свадебного обряда. «Умыкание» являлось методом, способным обеспечить безопасность молодой женщины от негативного влияния разнообразных сверхъестественных существ, озлобленных состоявшимся бракосочетанием. С одной стороны, новобрачной следовало опасаться магических покровителей родовой группы ее супруга, способных проявить недовольство появлением незнакомки, желающей поселиться на их территории. С другой стороны, опасность исходила от магических представителей ее собственной родовой группы, которые могли ощутить себя брошенными и возжелать отомстить девице, покинувшей родной очаг ради заключения брака [30, с. 47–49, 199]. Имитация похищения позволяла надеяться, что многоуважаемые

духи, разгневанные либо потерей своей подопечной, либо бесцеремонным вторжением девушки, не станут предъявлять претензии к новобрачной, которую заставили вступить в брак насильно, а также оставят в покое ее легкомысленных сородичей, ведь вся вина последних заключалась лишь в том, что они не уследили за несчастной девицей.

Очевидно, вышеизложенные соображения могли вынудить представителей разных народностей включить в свадебные обряды традиционное запрещение (известное как минимум с античных времен), в соответствии с которым нога невесты ни в коем случае не должна коснуться порога дома, куда ее привели. Такое запрещение присутствует в брачном ритуале немцев и австрийцев, итальянцев и испанцев, русских и сербов, коренных жителей современных Великобритании, Бельгии и Нидерландов, татар, монголов, а также адыгских народов. Запрет был вызван уверенностью в том, что порог находится под бдительной охраной сверхъестественных покровителей семейно-родственной группы молодого супруга; существовало поверье, что покровитель семьи обитает поблизости от порога. Для магического защитника дома невеста являлась чужим человеком, а это значит, что в целях безопасности ей не следовало вступать в прямой контакт с враждебной потусторонней силой [16, с. 253, 261; 8, с. 121–122; 27, с. 38; 26, с. 61; 11, с. 127; 9, с. 157; 22, с. 235; 23, с. 141]. Любопытно, что некоторые из числа наших предков, похоже, пришли к выводу о возможности разрешения данной проблемы диаметрально противоположным путем. В позапрошлом веке в Вологодской губернии бытовала традиция, в соответствии с которой невеста после венца при входе в дом жениха не только не опасалась коснуться «враждебной» части нового для нее жилища, но и вступала на порог обеими ногами, а затем решительно прыгала с него, громогласно заявляя по обычаю про себя: «Кышьте, овечки, волчок идет» [2, с. 93–94]. Столь же «радикально» были настроены некоторые новобрачные в Тверской губернии в конце XIX столетия. Невеста в Старицком уезде, входя в дом жениха после венца, «должна прыгнуть на порог обеими ногами сразу и про себя сказать: “шкиря – овцы, волк идет”, чтобы все боялись ея» [25, с. 67]. Видно, со временем стремление почитать сверхъестественные сущности сменилось острым желанием основательно их припугнуть.

Вышеизложенное предположение подтверждает информация источника, который содержит объяснения сибирских крестьян, попытавшихся растолковать непонятным пришлым людям (этнографам) то, почему среди них (в первой половине XIX в.) было распространено вступление в семейную жизнь путем совершения обряда, имитирующего похищение невесты. По мнению тобольской крестьянки, заключать брачный договор неприлично, такое начало семейной жизни «осрамит» невесту и ее родителей: «Да ведь девка-то наша родимая; что же мы себя срамить станем, али девку срамить? Что мы голодом, что ли, уж сидим, когда девку добром, своими руками в чужие люди отдадим...» [17, с. 204]. Следовательно, родственникам невесты из среды сибирских крестьян не полагалось добровольно соглашаться на расставание, они прибегали к «умыканию» как раз с целью продемонстрировать свою непричастность к перемене ее участи. Кстати, тем самым старшие родственники не только обеспечивали себе «алиби» перед магическими покровителями семейно-родственной группы, способными рассердиться за внезапное исчезновение одной из своих подопечных из-под их бдительной опеки. Благодаря совершенному «умыканию» родители получали еще один «бонус» в виде

возможности автоматически снять с себя ответственность за дальнейшую судьбу «своевольной» дочери и ее будущее семейное благополучие.

Какое из изложенных предположений наиболее вероятно? Как выбрать из предложенных исследователями вариантов единственно верное объяснение длительного существования и широкого распространения ритуала «умыкания» в рамках свадебной обрядности прошлого? И вообще, есть ли это самое «единственно верное» объяснение? Ответить на эти вопросы не так-то легко. Однако, по мнению автора данной статьи, существует источник, который позволяет приблизиться к пониманию процессов, сформировавших специфику традиционной свадебной обрядности многих народов.

Описывая языческие обычаи племенных союзов восточных славян, автор «Повести временных лет» утверждает: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица». Похожая информация содержится в этом источнике о радимичах, вятичах, северянах: «И браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены» [20, с. 15].

Прямо скажем, полученная информация с легкостью ставит в тупик человека, живущего в XXI в. Представители вышеперечисленных славянских племенных союзов браки не заключали, но жен каким-то загадочным образом умудрялись обретать!

Впрочем, все встает на свои места, если вспомнить, что столь популярное сегодня слово «женщина» появляется в памятниках древнерусской письменности не ранее XVI в. [5, с. 22; 29, с. 298–299; 31, с. 268]. Наши предки обобщению предпочитали конкретику, употребляя для обозначения представительниц женского пола уточняющие термины: «девица», «жена», «вдова». Слово «жена» встречается в древнерусских письменных источниках с XI в. и, по-видимому, первоначально имеет широкий смысл, обозначая не только привычное нам понятие «замужняя женщина», «супруга». Слово «жена» включало в себя и понятие, которое можно обозначить как «особа женского пола детородного возраста, имевшая половые отношения с мужчиной и готовая поддерживать такие отношения в дальнейшем». Вероятно, отсутствие в прошлом особого слова, которым можно было бы обозначить не только замужнюю женщину, но и женщину, находящуюся вне сферы брачно-семейных отношений, было связано с редкостью последнего явления. Хорошо известно, что так называемое «традиционное общество» в разных регионах мира крайне негативно относилось как к мужчинам, так и к женщинам, которые пытались уклониться от создания собственных семей [6, с. 47–48].

Особенность этимологии слова «жена» позволяет интерпретировать известия летописи следующим образом. Древляне, радимичи, вятичи, северяне браки не заключали, женщин «умыкали», причем одной сожительницей не ограничивались, предпочитая иметь двух-трех. Следует отметить, что автор «Повести временных лет» описывает «умыкание» не как акт насилия, а как действие, которое происходит по взаимной договоренности мужчины с девушкой. По крайней мере, это можно утверждать относительно рассказов о традициях «умыкания», бытовавших в среде трех из четырех указанных племенных союзов восточных славян. Получается, данное «умыкание» представляло собой последствие договора и было подобно театрализованному обрядовым «умыканиям». От большинства из числа таких

театрализованных «умыканий» договор указанных восточнославянских племенных союзов отличает то, что в качестве договаривающихся сторон выступают сами брачующиеся, а не их семейно-родственные группы. По-видимому, с точки зрения летописца, указанное отличие чрезвычайно важно и достаточно для того, чтобы отказать данному соглашению мужчины и женщины в праве именоваться брачным союзом. Автор летописи дважды подчеркивает, что подобный договор браком в его понимании не является. Впрочем, совершенно очевидно, что представления мужчин и женщин, вступавших в договорные отношения путем совершения обряда «умыкания», о сути и значении вновь образованного ими союза могли быть диаметрально противоположны точке зрения нашего летописца.

Оставив в стороне возможные разногласия представителей различных групп древнерусского общества по вопросу о сущности понятия «брак», вернемся к описанию традиции «умыкания» в древнерусской летописи. Какую мысль хотел донести до читателя летописец? Мы видим, как автор противопоставляет две традиции в организации половых отношений мужчин и женщин. С одной стороны, это «брак» как союз мужчины и женщины, устроенный усилиями семейно-родственных групп, к которым они принадлежали; вероятно, на эти же группы возлагалась ответственность за прочность данного брачного альянса. С другой стороны, это договор о вступлении в половые отношения, который заключают между собой сами участники этих отношений; о существовании договора доводится до сведения общественности посредством совершения интересующей нас традиции «умыкания». Еще раз хочется отметить вполне возможную тенденциозность автора, который при описании чуждых ему брачных обычаев мог дать им искаженную оценку. Вполне вероятно, что в описываемое время древляне, радимичи, вятичи, северяне лишь использовали «умыкание» как обряд для фиксации в своей среде отношений, которые воспринимались соплеменниками как долговременные, т.е. брачные отношения. Интересно другое – как далеко мог зайти наш автор, искажая традиции, характерные для прямых предков людей, живущих в пределах того же политического образования, к которому принадлежал летописец (пользуясь современными терминами – его соотечественников)? Конечно, можно предположить, что описанная традиция «умыкания», не приводившая к формированию брачного союза, является не более чем плодом фантазии автора. Однако крайне сомнительно, что это предположение соответствует действительности, ведь среди читателей летописи могли быть потомки и древлян, и радимичей, и вятичей, и северян, которые сохранили память об обычаях, бытовавших среди их предков. Летописец-фантазер мог оказаться в крайне нелицеприятной ситуации, подвергаясь заслуженной критике со стороны читателей, посчитавших своим долгом опровергнуть небылицы новоявленного «фантаста всея Руси». Более вероятным представляется предположение, в соответствии с которым летописец, рассказывая о традициях указанных восточнославянских племенных союзов, пользовался дошедшими до него полуполюгендарными сведениями об обычаях далекого прошлого, распространенных в период, когда института брака как «вечного» (или хотя бы долговременного) союза мужчины и женщины не существовало. В этом случае возможное искажение действительности, допущенное летописцем, заключалось лишь в том, что, описывая события недавнего прошлого, автор пользовался сведениями о традициях давно минувшего времени. Таким образом, можно предположить, что до развития института брака обычай «умыкания» играл роль своего рода «регулятора половых отношений»,

который прилюдно фиксировал право данного мужчины иметь близкие отношения с женщиной, что позволяло избежать развития внутрисоциальных конфликтов, вызванных конкуренцией за полового партнера.

Интересные сведения, способные помочь разобраться в происхождении традиции «умыкания», предоставляет этимология слова «невеста». Сегодня мы нередко полушутя «невестой» называем девочку-подростка, достигшую возраста, в котором наши предки посчитали бы себя обязанными подыскать девице подходящую брачную партию. В ряде индоевропейских языков (праславянском, древнесеверогерманском) это слово означало «неведомую», «неизвестную» [31, с. 4; 13, с. 210] «девушку, предназначенную стать женщиной» [1, с. 69]. Следовательно, можно предположить, что первоначально обычай «умыкания невесты» представлял собой торжественный ритуал, непосредственно предшествовавший переходу девушек в группу женщин, т.е. являлся обрядом, который сопровождал дефлорацию.

Косвенным подтверждением верности данного предположения является традиция, сохранившаяся у ряда народов. В частности, у русских вплоть до Нового времени заключать брак с соблюдением всех свадебных обрядов было принято только в случае, если невестой являлась девица; с вдовой или разведенной свадьбу «не играли», обыкновенно обходились скромным праздничным обедом, на котором присутствовали лишь самые близкие родственники [14, с. 473; 7, с. 39, 43; 13, с. 218]. У ительменов также вступление в брак с вдовой или разведенной женщиной не требовало выполнения каких-либо обрядов [12, с. 366–367]. Указанный обычай нашел отражение и в церковной традиции венчать по всем предписанным правилам исключительно тех супругов, которые вступали в свой первый брак [3, с. 112–113; 13, с. 50, 165–166; 28, с. 48].

О принципиальном значении целомудрия новобрачной в ходе свадебной церемонии свидетельствуют следы существования у ряда народов «дискриминирующих» элементов в наряде невесты, которая вступала в брак, не будучи девственницей. Например, у поляков молодая женщина перед венчанием не имела права украсить себя традиционным для невесты «венцом», но «должна была покрыться платком или надеть чепец» по дороге в церковь. В то же время невесту-девственницу ожидали в костеле с «венцом» поверх распущенных волос – «она не могла покрыть голову, даже если было очень холодно» во избежание неллицеприятных недоразумений [4, с. 21].

Не исключено, что тот же обряд, предшествующий дефлорации девушки, одновременно мог служить обрядом инициации юношей. Как предполагал А.Н. Максимов, преодолев препятствия, сходные с теми, что ожидали ительменского юношу, молодой человек обретал право на супружеские отношения [15, с. 51–52]. «Умыкание» на раннем этапе своего существования, безусловно, должно было сопровождаться рядом значительных препятствий для «умычника», которые устраивались во избежание прямого насилия над волей девушки, не разделявшей любовного пыла того или иного претендента «на ее руку и сердце». В роли «препятствия», разумеется, выступали члены родственной группы «невесты». Указанное обстоятельство, кстати, неизбежно способствовало укреплению каждой группы, поскольку вынуждало девушек стремиться поддерживать с «братьями» и «сестрами» максимально дружественные отношения, дабы обиженные родственники не имели желания отомстить за скверное поведение девицы, позволив заполучить ее нежелательному претенденту.

Несложно понять и то, каким образом возникал избыток «жен» у мужчин. Последние во время одного обряда могли обрести одну спутницу жизни, во время второго – «умыкнуть» другую. При этом желание мужчины обрести новую «супругу» далеко не всегда способствовало исчезновению у первой желая продолжать близкие отношения. Так появлялись «многоженцы». Данная «привилегия» сильного пола целиком и полностью соответствовала интересам общества, поскольку позволяла социуму охватить «законными» половыми связями всех женщин, способных к деторождению, даже в случае, если по несчастному стечению обстоятельств (например, из-за предшествовавшего военного конфликта) женщин было больше, чем мужчин.

Со временем под воздействием социально значимых факторов в обществе сформировался институт брака как устойчивого долговременного союза мужчины и женщины. Развитие социального и имущественного неравенства привело к возникновению брачных альянсов в том виде, который был привычен автору летописи: брак стал результатом договора семейно-родственных групп жениха и невесты. Распространение брачных договоров, до проведения свадебного ритуала определявших будущих новобрачных и не оставлявших ни единого шанса альтернативным претендентам на внимание девушки, естественным образом привело к потере былой значимости «умыкания». Смысл существования обряда забылся. Однако утрата осознания смысла предпринимаемых действий далеко не всегда приводит к исчезновению привычного ритуала. Обычай, потерявший свою актуальность, превратился в механически исполняемую часть свадебного обряда, что, в свою очередь, вызывало у представителей нарождающихся поколений желание рационально осмыслить необходимость предпринимаемых в ходе свадебной церемонии действий. Представляется, что, заключая брак путем проведения свадебной церемонии с «умыканием», наши предки были озадачены поиском ответа на вопрос «зачем мы это делаем?» приблизительно в той же мере и по тем же причинам, по которым сегодня многие из нас пытаются более-менее рационально осмыслить, скажем, собственное участие в ритуале сжигания чучела масленицы с наступлением весны. Вполне естественно, что как сегодня, так и в прошлом предлагались разные варианты объяснений устойчивого бытования древнего обряда. Судя по тому, как много предположений, объясняющих необходимость «умыкания» в ходе свадьбы, нам удалось привести выше, наши предшественники так и не смогли прийти к единому мнению о том, зачем жениху «умыкать» невесту, передать которую ему гарантировали ее же родители.

Таким образом, «умыкание», когда-то игравшее видную роль в организации устойчивых социальных отношений, обеспечивая прочность взаимосвязи мужчины и женщины, оказалось всего лишь частью свадебной обрядности. Будущее традиции виделось безрадостным: безжизненный ритуал был обречен на постепенное, но неизбежное вырождение. Однако действительность сложилась иначе – жизнь дала шанс возродиться древней традиции в качестве актуального обычая, способного при благоприятных обстоятельствах привести к заключению брака. Хочется присоединиться к мнению М.О. Косвена, который писал про обычай «похищения женщин» на Кавказе: «Это явление представляется... далеко не архаическим, а относящимся к сравнительно позднему времени» [10, с. 66].

Как же произошла эта прелюбопытная трансформация отжившего свой век обряда в столь популярный на протяжении многих столетий обычай

среди наиболее радикальной части юношества? Ответ на этот вопрос автор постарается отыскать, продолжив исследование в следующей публикации.

вопрос автор публикации.

Библиографический список

1. Анохин Г.И. Датчане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред.: Ю. В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 66–88.
2. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 89–105.
3. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
4. Ганцкая О.А. Поляки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 8–32.
5. Ефремов В.А. Номинации женщины в русском языке: жена – женщина – баба – дама // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 19–25.
6. Занегина Н.В. К истории брачных отношений // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 47–59.
7. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
8. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
9. Кожановский А.Н. Народы Испании // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 134–166.
10. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 260 с.
11. Красновская Н.А. Народы Италии // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 107–133.
12. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.: Эксмо; Око, 2013. 480 с.
13. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
14. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 466–499.
15. Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1. С. 41–76.
16. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX в. – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
17. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 350 с.
18. Першиц А.И. Похищение невест: правило или исключение? // Советская этнография. 1982. № 4. С. 121–127.
19. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Свадебные антагонизмы // Природа. 1998. № 5. С. 61–70.
20. Повесть временных лет. Ч. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 504 с.
21. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.

22. Решина М.И. Народы Бельгии и Нидерландов // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 210–238.
23. Руднев В.В. Шотландцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 129–145.
24. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.
25. Ушаков А.Д. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии (свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни). Старица: Типография И.П. Крылова, 1903. 70 с.
26. Филимонова Т.Д. Австрийцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 44–65.
27. Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 5–43.
28. Черкасова М.С. Брак и семья в Московской Руси в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 46–60.
29. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
30. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
31. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1 / сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

THE ORIGINS OF THE «ABDUCTION» TRADITION

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

This article continues a series of publications on freedom of marriage in the past and on the evolution of the «abduction» tradition, which was popular with our ancestors. In a previous study, the bride's abduction ritual was considered. What is the origin of this rite? What reasons made our predecessors in different regions of the world imitate the abduction of a girl in the process of marriage?

Keywords: *marriage, family, custom, the ways of marriage.*

Об авторе:

ЗАНЕГИНА Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

ZANEGINA Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Assoc. Professor, Assoc. Professor of Dept. of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: nzanegina@rambler.ru